

**ПОРУЧИК
ТОМСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА
Д.П. ПЕРЕЛЕШИН**

**Александр Юрьевич
Королев-Перелешин**

Мой пра-пра-прадед **Дмитрий Петрович Перелешин** родился 20 сентября 1791 г. в русской дворянской семье потомственных военных, в Воронежской губернии. Отец – Петр Трофимович Перелешин – служил в кавалерии. В июне 1775 г. по Высочайшему именному Указу Императрицы Екатерины II переведен из ротмистров в коллежские асессоры «в ранге сухопутного майора». Дед – Трофим Дмитриевич – также был военным, служил в Малороссии. В 1735 г. Высочайшим именным Указом Императрицы Анны Иоанновны произведен из майоров в подполковники ландмилиции. В 1739 г. отчислен от службы «вследствие старости и ножной болезни» и награжден чином полковника. Надо отметить, что Трофим Дмитриевич Перелешин, являвшийся, как и его прародители, дворянином Костромской губернии, первым из представителей рода (и, соответственно, моих предков) переехал на постоянное жительство в Воронежскую губернию. По всей видимости, это произошло в связи с женитьбой и получением в приданое за женою недвижимого имущества в Нижне-девицком и Каротояцком уездах Воронежской губернии.

Военными были и более ранние предки Дмитрия Петровича.

Мать Дмитрия Петровича – Наталья Лукинишна – была дочерью капитана Луки Раевского.

У Дмитрия был старший брат Константин. К моменту поступления младшего брата в учебное заведение Константин уже служил подпоручиком лейб-гвардии. Третьим ребенком в семье была сестра Дмитрия, Александра.

Дядя Дмитрия Петровича – Адриан Трофимович, также был военным, служил в пехоте, имел чин прапорщика, оставался до конца дней холостым и детей не имел.

Семейная память о жизни и деятельности предков традиционно сохранялась в дворянских семьях России. Сохранялась веками, собственно столько, сколько сама семья существовала. Конечно, в годы переворотов и революций, кровавого лихолетья и охоты на «врагов народа»

не во всех семьях осмеливались передавать детям правдивую память о служении своих предков. Однако убежден: в семьях подлинных патриотов России никакой страх не мог помешать спрятать исторические семейные документы, передать детям память об их прародителях и предках. И самое главное, что сумели донести до нас наши бабушки, – семейные предания и рассказы. Да, почти у всех, как выяснилось, именно бабушки (дедов многие из нас не застали – помешали как войны, так и лагеря вместе с «высшей мерой социальной защиты») через свои семейные истории внушили нам чувство глубокой сопричастности к судьбе нашей Родины, чувство любви и уважения к ней.

Большинство мужских представителей дворянских семей веками участвовали в самых разных войнах. Но ни о какой из войн память в семьях столь бережно не сохранялась, как об Отечественной войне 1812 г. Трудно сказать, что способствовало этому: то ли общенародный характер этой войны, то ли романтизм XIX в., но, как бы то ни было, именно война с Наполеоном врезалась в народную память с особенной силой. Так было и в нашей семье. Мне с самого раннего детства довелось слышать рассказы о моем предке, Дмитрие Петровиче Перелешине – участнике Бородинского сражения, от моей двоюродной бабки, Антонины Дмитриевны Перелешинной, родной сестры моего деда.

Итак, мой пра-пра-прадед Дмитрий Петрович окончил 2-й Кадетский корпус (до 1800 г. назывался «Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус»), однако по какой-то причине в артиллерию не попал и в 1809 г., будучи 18-ти лет от роду, вступил прапорщиком в Томский пехотный полк. Полк в это время располагался в Волынской губернии, а затем был отправлен к границе Галиции, где нес охрану государственной границы.

Служил Дмитрий Петрович, очевидно, исправно: в 1810 г. произведен в подпоручики, в 1812 г. – в поручики¹.

На день начала войны с армией Наполеона, 12 июня 1812 г., 6-й пехотный корпус Д.С. Дохтурова, куда в составе 24-ой пехотной дивизии генерал-майора П.Г. Лихачева входил и Томский полк (кроме него, также Бутырский, Ширванский, Уфимский пехотные, 19-й и 40-й егерские полки), стоял в сотне верст южнее Вильно и фактически был отрезан от основных сил русской армии. Началось отступление для соединения с армией Барклая де Толли. Предстояло преодолеть расстояние порядка 500 километров. Корпус Дохтурова преследовался 1-м французским кавалерийским корпусом генерала Нансути, и, чтобы оторваться от него, русским полкам, в том числе и Томскому, несмотря на бездорожье и дождь, нужно было проходить по 50 километров в сутки.

Наконец, войска корпуса соединились с армией Барклая де Толли и в ночь с 4 на 5 августа сменили корпус Раевского, защищавший

до этого Смоленск и имевший громадные потери. Таким образом, Томский пехотный полк в составе корпуса Дохтурова включился в Смоленское сражение, прикрывая отход объединенной русской армии.

Для Томского пехотного полка, как и для русских войск в целом, сражение было очень тяжелым. За один только день 5 августа 1812 г. полк, в котором на начало Смоленского сражения было 1201 человек, потерял, не считая офицеров, 42 нижних чина убитыми, 266 ранеными и 184 пропавшими без вести. Таким образом, общие потери нижних чинов полка составили 492 человека. Впоследствии, вплоть до сентября, полк нового пополнения не получал и участвовал в Бородинском сражении в составе не более 700 человек, состоя из двух батальонов – 1-го и 3-го.

Во время Бородинского сражения Томский полк был построен справа от Курганной батареи (батареи Раевского) во второй линии батальонных колонн за Уфимским и Ширванским полками. Рядом располагался Бутырский полк.

Как известно, в 10 часов утра Наполеон, сосредоточив крупные силы, атаковал наш центральный опорный пункт – Курганную высоту. Разгорелся жестокий бой. Во время второй атаки, когда кончились снаряды для орудий, французы ворвались в укрепление.

3-й батальон Томского полка, еще до атаки французов на батарею, был отведен от основных частей 24-й дивизии для действия против французских стрелков. В этом деле был тяжело ранен полковой командир подполковник И.И. Попов, и его заменил майор Крутых, который, выстроив батальон в плотную колонну, вернулся к 1-му батальону.

В то время, как французская пехота закреплялась на только что захваченной Курганной батарее, к 3-му батальону Томского полка на белом коне подскакал адъютант командующего 1-й армией майор барон В.И. Левенштерн, которого Барклай де Толли послал узнать, что происходит в районе батареи.

Обращусь к «Запискам генерала В.И. Левенштерна», позволив себе большую цитату:

«В этот момент он [генерал Барклай де Толли] заметил, что по направлению к холму, возвышавшемуся в центре (который получил впоследствии название батареи Раевского), происходило какое-то необычайное движение. Из-за дыма и пыли мы не могли видеть, какая была причина этого движения. Генерал поручил мне разузнать, в чем дело. Я увидел, к величайшему моему изумлению, что он был во власти французов. Наши войска отступали в большом беспорядке. Нельзя было терять ни минуты. Вместо того чтобы возвратиться к генералу Барклаю, я попросил адъютанта принца Ольденбургского, поручика Варденбурга, отправиться к генералу и сообщить ему это прискорбное известие. Окинув в то же время взглядом местность, я заметил вправо

от холма батальон Томского полка, стоявший сомкнутой колонной в полном порядке. Я бросился к нему и приказал батальонному командиру именем главнокомандующего следовать за мною. Он послушался, и смело пошел вперед.

Я запретил солдатам кричать “ура!” без моего разрешения, так как им надобно было взобраться на холм, поэтому следовало беречь их дыхание; батальонный командир шел пешком. Это был толстенький кругленький человечек, но в нем был священный огонь.

Поднявшись на средину холма, солдаты Томского полка прокричали по данному мною знаку грозное “ура!” и кинулись с остервенением на всех, кто попадался им навстречу; войска пошли в штыки; завязался жаркий бой. К этому пункту поспешил и генерал Ермолов со всем своим штабом, при нем находился дежурный генерал Кикин и командовавший артиллерией граф Кутайсов. Ему удалось под градом пуль сформировать пехоту и энергично поддержать дело, начатое храбрым батальоном Томского полка; успех был поддержан поспешным движением, совершенным генералом Паскевичем, который сделал удачную диверсию влево от большой батареи. Мы овладели, таким образом, снова важной позицией, которую чуть было не потеряли.

В тот момент все признали за мою заслугу, что я увлек всех своим примером. Генерал Ермолов поцеловал меня на самой батарее и тут же поздравил меня с Георгием, который я, несомненно, должен был получить. Но впоследствии, когда этот эпизод был признан самым выдающимся событием дня, другие лица пожелали присвоить себе эту честь, и пожалели о том, что они были слишком откровенны в выражении своих чувств в тот момент, когда пролитая кровь заставила смолкнуть вражду.

Генерал Ермолов, Кикин и я были ранены; храбрый граф Кутайсов был убит.

Генерал Барклай, подоспевший во время нашей стычки, немедленно принял меры к тому, чтобы неприятель не мог вторично овладеть батареей. Он поручил оборону этой батареи и холма дивизии генерала Лихачева...»².

Итак, в ходе контратаки и жестокого штыкового боя французская пехота попала в «клещи», так как почти одновременно с солдатами Томского пехотного полка на батарею под командованием начальника штаба 1-й армии генерала А.П. Ермолова, проезжавшего мимо и тоже оценившего серьезность ситуации, ворвались солдаты Уфимского полка и егеря той же 24-й дивизии. Совместными усилиями высота была освобождена.

Любопытно, что описанный выше эпизод Бородинского боя с участием подразделения Томского пехотного полка мне подробно

Бородинский бой. В. Шевченко

рассказывала в детстве уже упомянутая моя двоюродная бабушка Антонина Дмитриевна Перелешина. В.И. Левенштерн в своих записках доказывал, что именно батальон Томского полка оказался первым на батарее. Однако, как известно, в «Записках» А.П. Ермолова факт участия солдат Томского полка в контратаке и возвращении Курганной батареи не упоминается вовсе. Причину этого, в той или иной мере справедливо, разъясняет в своих «Записках» барон В.И. Левенштерн.

И в исторической, и в учебной литературе, посвященной Бородинскому сражению, описание этого эпизода из истории Томского пехотного полка мне долгое время не попадалось. А потому, признаюсь, считал рассказ Антонины Дмитриевны семейной легендой, умышленно красочно описывающей неизвестное, может быть, участие нашего предка в Бородинском сражении. Какова же была моя радость, когда в 1992 г. в журнале «Родина» мне попались на глаза выдержки из «Записок» барона В. И. Левенштерна, полностью подтверждающие слова бабушки! Значит, все это было правдой! Вряд ли эти «Записки» читала когда-нибудь Антонина Дмитриевна Перелешина, и значит, семейная память пронесла через полторы сотни лет подлинный исторический эпизод с участием нашего предка!

Именно при защите батареи Раевского, по семейному преданию – непосредственно во время знаменитой контратаки на батарею, поручик Д.П. Перелешин был ранен пулей в грудь навылет. Ему, можно сказать, повезло: из-за сквозного характера ранения оно не повлекло за собой заражения крови, и, отлежав в госпитале, он вернулся в строй, участвовал в блокаде Модлинской крепости с 3 по 19 августа 1813 г. и был при ее сдаче, а затем прошел Заграничный поход русской армии 1814–1815 годов, через Герцогство Варшавское, Силезию, Саксонию, Баварию. За Бородинское сражение он получил серебряную медаль.

Участвовал Дмитрий Петрович и во 2-м походе на Францию во время «Ста дней Наполеона», с 20 июля по 18 августа 1815 г., а затем прошел с полком обратно через Баварию, Саксонию, Силезию, Новую Пруссию

и Царство Польское до границ российских, в местечко Гоголево Остерского повета Черниговской губернии, куда вернулся с полком 18 декабря 1815 г.

В 1816 г. Дмитрий Петрович был уволен от службы «за раню» по Высочайшему указу с чином штабс-капитана, мундиром и пансионом полного жалования. Он получил разрешение отправиться на жительство в родовое имение «или куда пожелает». Поехал Дмитрий Петрович в свое воронежское имение, находившееся в то время в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии. На момент отставки ему было 25 лет.

Вскоре после отставки Дмитрий Петрович женился. Супруги имели двух сыновей и дочь.

Старший сын – **Николай Дмитриевич Перелешин** – служил в армии, дослужившись в 1840 г. до чина поручика. В 1843 г. перешел на гражданскую службу с переименованием в губернские секретари. Его сын – **Христофор Николаевич Перелешин** – служил в артиллерии. В должности командира 2-й батареи 2-го артиллерийского мортирного полка прошел Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. за освобождение Балкан.

Александр Дмитриевич Перелешин (1823–1885), мой прапрадед, окончил Харьковский университет со степенью кандидата. Поступил на гражданскую службу по Министерству внутренних дел. В чине коллежского советника был назначен наблюдать за исправностью всех почтовых станций на Московско-Харьковском тракте. Затем служил по канцелярии Воронежского губернатора. Дослужился до чина действительного статского советника. В конце 1860-х гг. некоторое время исполнял обязанности Воронежского вице-губернатора. Его старший сын, мой прадед, **Дмитрий Александрович Перелешин** (1862–1935), был депутатом II Государственной Думы Российской Империи, Председателем Хозяйственной комиссии Думы.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Что же касается участника Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов Дмитрия Петровича Перелешина, то он ушел из жизни в 1841 г., 50-ти лет от роду, похоронен в селе Шаталовка Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, рядом со своей супругой.

Да упокоит Всеблагой Господь души всех честных защитников Отечества в селениях праведных, да сотворит им вечную память!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГА Воронежской области. Ф. 29. Оп. 137. Ед. хр. 67. С. 83 – 86.
2. *Левенштерн В.И.* Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина, 1900. Декабрь. С. 572–582.